

Удержание подвижничества*¹ (фрагменты)

На великом Пути будд и патриархов непременно есть наивысшее удержание подвижничества. Оно движется по Пути, вращается – и не прерывается. Оно не прерывается ни на миг ни при первом пробуждении сердца-сознания, ни при подвижничестве, ни при просветлении и нирване. Таково вращение на Пути удержания подвижничества. Итак, [удержанье подвижничества] не зависит ни от собственных усилий [человека], ни от чужих усилий. Таково удержание подвижничества, никогда не загрязняемое.

Благие силы² этого удержания подвижничества хранят и меня, и других. Согласно учению нашей школы³, заслуги нашего удержания подвижничества поистине превосходят все заслуги на десяти сторонах⁴, во всех землях и на всем просторе небес. Ни другие, ни я не знаем об этом, но это так. Благодаря тому, что все будды и патриархи удерживают подвижничество, мы видим, как удержать подвижничество, и сами можем его удержать, мы проникаем на великий Путь и утверждаемся на нем. Благодаря тому, что мы удерживаем подвижничество, все будды видят, как удержать подвижничество, и сами могут его удержать, все будды проникают на великий Путь и утверждают на нем. Благодаря тому, что мы удерживаем подвижничество, появляется заслуга этого Пути-вращения. Благодаря этому будды и патриархи постоянно являют себя в качестве будд, скрывают себя в качестве будд, обретают сердце-сознание будд, становятся буддами. Благодаря этому удержанию подвижничества существуют солнце, луна и звезды; благодаря удержанию подвижничества существуют великая земля и просторное небо; благодаря удержанию под-

* Перевод и комментарий подготовлены при поддержке РГНФ, проект № 11-03-00038а.

вижничества существуют тело и мир, где мы получаем воздаяние⁵, существуют тело и сердце-сознание; благодаря удержанию подвижничества существуют четыре первоначала⁶ и пять совокупностей⁷. Хотя удержание подвижничества – это не то, что любят люди в миру, оно может и должно стать истинным прибежищем для всех людей. Благодаря удержанию подвижничества всех будд прошлого, настоящего и будущего проявляются и становятся буддами все будды прошлого, настоящего и будущего.

Иногда благая сила этого удержания подвижничества не сокрыта, поэтому наше сердце-сознание пробуждается и мы подвижничаем. Иногда эта благая сила не проявлена, поэтому мы не видим, не слышим, не чувствуем и ничего не знаем [об удержании подвижничества]. Даже если [удержание подвижничества] не проявлено, необходимо изучать и применять его так, как будто оно не сокрыто, поскольку оно не загрязнено различием «тайного» и «явного», «жизни» и «смерти». Удержание подвижничества, которое нас проявило и осуществило, при нынешней своей скрытости, присутствует во всех дхармах, какие только возникают во взаимозависимости⁸, и то, что нам не удается удерживать подвижничество, [происходит] как раз из-за того, что удержание подвижничества нам дано [изначально] и нам уже не внове находиться в нем. Взаимозависимое возникновение – это и есть удержание подвижничества. Поскольку удержание подвижничества не дается нам по закону взаимозависимости, мы должны тщательно и тонко трудиться над ним, изучать и применять его. Итак, удержание подвижничества, которое проявляет и осуществляет удержание подвижничества, – это и есть наше нынешнее удержание подвижничества. «Настоящий момент» удержания подвижничества не заложен изначально и не присутствует исконно в нас самих; «настоящий момент» удержания подвижничества в нас самих не появляется и не исчезает, не приходит и не уходит. Называемый «нынешним» Путь не появляется прежде, чем удержание подвижничества; «нынешним» называется само проявление удержания подвижничества.

Раз так, то удерживать подвижничество в течение одного дня – это поистине сердцевина плода всех будд. Не удерживать подвижничеством то, что в своем удержании подвижничества проявляют все будды, то, что они удерживают своим подвижничеством, – это значит отвергать всех будд, не подносить дары всем буддам; отвергать удержание подвижничества; отказываться жить и умирать вместе со всеми буддами; отказываться с ними вместе постигать учение и с ними вместе применять его на деле.

В один и тот же миг раскрываются цветы и опадают листья – так проявляется и осуществляется удержание подвижничества. Без удержания подвижничества нельзя ни стереть пыль с зеркала, ни разбить зеркало⁹. Поэтому даже отказ от удержания подвижничества есть удержание под-

вижничества, нацеленное на то, чтобы рассеять дурные помыслы, когда стремятся к удержанию подвижничества, якобы отказываясь от него. Хотя это все еще похоже на стремление к удержанию подвижничества, это означает – стать несчастным сыном, который отказался от сокровищ в доме своего истинного отца и ушел блуждать в дальние страны¹⁰. Пусть даже, как сказано [в сутре], ветер и вода не лишили его жизни во время блужданий, все же ему не следовало отвергать сокровища своего истинного отца. Тем более [нельзя] отвергать-утрачивать сокровище-Дхарму истинного отца. Итак, удержание подвижничества – это Дхарма, которая ни на миг не оказывается в праздном бездействии.

Наш милосердный отец, великий учитель Будда Шакьямуни с восемнадцати лет своей жизни глубоко в горах удерживал подвижничество, и когда он достиг тридцати лет – это было [уже] такое удержание подвижничества, при котором одновременно обретают Путь и великая земля, и все живые существа¹¹. До восьмидесяти лет он все еще удерживал подвижничество в горах и лесах, удерживал подвижничество в монастырях. Он не вернулся в царский дворец, не принял заботы о благоденствии своего государства, надел одеяние самгати¹² и в течение всей земной жизни носил одну эту одежду, не меняя; в течение всей земной жизни пользовался одной чашей для подаяний, не меняя ее. Ни единого дня и ни единого часа он не провел в одиночестве. Не отказывался от досужих подношений людей и богов, терпеливо сносил клевету [приверженцев] иных путей¹³. И так вся его жизнь представляет собой удержание подвижничества; образ жизни Будды – забота о чистоте одного одеяния, нищенская пища – в самом деле не назовешь никак иначе, нежели удержанием подвижничества.

<Восьмой патриарх, почтенный Махакашьяпа¹⁴, был верным последователем Будды Шакьямуни. Всю свою жизнь он удерживал подвижничество, соблюдая двенадцать правил¹⁵.

Десятый патриарх, почтенный Паршва¹⁶, поклялся, что никогда не ляжет на кровать¹⁷. Он провел в чреве матери шестьдесят лет и появился на свет уже седым, его жизнь была связана со множеством чудес, но мы можем и должны отвлечься от таких условностей, как возраст и прочие внешние детали, и сосредоточиться на том, чтобы изо всех сил постигать Путь, не трата времени нашей жизни понапрасну.>

Шестой патриарх [Хуэй-нэн]¹⁸ был дровосеком в Синьчжоу, его трудно назвать образованным. В раннем детстве он потерял отца, и его вырастила старуха-мать. Он работал дровосеком, добывая средства, чтобы прокормить ее. После того как на уличном перекрестке он услышал одну строку из сутры¹⁹, он сразу же покинул мать и устремился на поиски великой Дхармы. Таков был этот выдающийся человек, редкий в

своей эпохе; таково его редкостное постижение Пути. Легче, к примеру, отсечь себе руку, чем так вот покинуть близкого человека, тяжело отказаться исполнять сыновний долг! Примкнув к собранию Хуан-мэя²⁰, он в течение восьми месяцев днем и ночью без сна и отдыха обрушивал рис. Он получил истинную передачу одеяния и чаши в полночь²¹. После того как он обрел Дхарму, он все еще везде носил с собой каменный жерновок. **И [еще] восемь лет обрушивал рис. Когда он уже стал человеком, достигшим успеха в жизни, и проповедовал Дхарму, он все равно не расстался со своим жерновком.** Таково редкостное удержание подвижничества.

Ма-цзу из Цзянси²² занимался сидячим созерцанием двадцать лет. Это он принял от Нань-юэ²³ «тайную печать»²⁴. Во времена, когда он уже получил печать Дхармы и помогал людям обрести спасение от заблуждений, не было и речи о том, чтобы он бросил занятия сидячим созерцанием. Новичкам, которые обращались к нему, он непременно велел тайно получить печать сердца-сознания²⁵. Когда людей созывали на общественные работы, он непременно спешил туда первым. Он трудился, не уходя на покой, до глубокой старости. Нынешняя школа Линьцзи/Риндзай – одна из тех, что зародились в [провинции] Цзянси.

<Настоятель Юнь-янь²⁶ подвижничал вместе с Дао-у²⁷ на горе Яо-шань. Юнь-янь передал Дхарму великому наставнику Дун-шаню У-бэню²⁸.

Великий наставник Юнь-цзюй Хун-цзяо²⁹ раньше жил в хижине, куда духи приносили ему блюда с небесной кухни. Однако после того, как, повстречав Дун-шаня, он обрел великое просветление, небесные существа больше не могли ему прислуживать. Нам следует поразмыслить о судьбе Юнь-цзяо.>

Учитель созерцания, мудрец с горы Бай-чжан³⁰, с тех пор как стал учеником Ма-цзу, до самой своей кончины не отдыхал ни дня: он постоянно трудился на благо монастырской братии и на благо людей. Нам повезло, что сохранилась память о его «дне без пищи». Учитель созерцания Бай-чжан был уже глубоким стариком и все же во время общественных работ усердно трудился наравне с молодыми. Монахи сокрушались, люди сожалели об этом. Учитель же не оставлял [своего труда]. В конце концов, во время работы [от него] спрятали рабочие снасти, и коль скоро учителю их не досталось, он весь тот день провел без пищи. [Учитель Бай-чжан] печалился, если не мог трудиться вместе со всей общиной. Позже этот случай называли «день без пищи [наставника] Бай-чжана». Сейчас по всем монастырям во всех концах великой империи Сун, исполняющим обычаи Линь-цзи, часто удерживают подвижничество по правилу Бай-чжана.

Когда настоятель Цзин-цин³¹ жил [у себя] в храме, духи земли никак не могли увидеть его лицо, потому что не могли подобраться [к нему].

Учитель созерцания И-чжун с горы Шань-пин³² раньше получал блюда с небесной кухни. А после того как [он] встретил [наставника] Да-дяня³³, когда небожители опять захотели [его] найти, [они] не смогли [его] увидеть.

<Гуй-шань, настоятель храма на горе Давэй³⁴, принял печать Дхармы от наставника Бай-чжана и двадцать лет подвижничал вместе со своим старшим братом в Дхарме. Многие изучали Путь Гуй-шаня, но немногие удерживали подвижничество, не изучая Путь Гуй-шаня.>

Великий учитель Чжэнь-цзай из храма Гуань-инь в Чжао-чжоу, настоятель Цун-шэнь³⁵, впервые испытал пробуждение сердца-сознания и устремился на поиски Пути, достигнув возраста в шестьдесят один год. Удерживая в одной руке кувшин и посох³⁶, он отправился в путь и, обходя в своем паломничестве все земли, постоянно говорил сам себе: «Пусть мне попадется хотя бы семилетний ребенок, но если он превосходит меня, мне следует тут же начать расспрашивать его; пусть это будет столетний старец, но если он достиг меньшего, чем я, мне следует тут же начать учить его». [Продолжая думать] так, он изучил и усвоил Путь Нань-цюаня³⁷. Это подвижничество длилось двадцать лет! Когда ему исполнилось восемьдесят, он впервые поселился в храме Гуань-инь на востоке области Чжао-чжоу, и после этого еще сорок лет наставлял людей и небожителей. [Как и прежде,] теперь он совсем не обращался к мирянам-дарителям³⁸ с прошениями. Общинный зал был небольшим, [при нем] не было ни передних, ни задних комнат³⁹. Однажды у помоста [Чжао-чжоу] сломалась ножка. Он взял обломок головешки, намотал на него веревку, укрепил им [помост] и еще долгие годы продолжал [на нем] толковать сутры и подвижничать. Когда хранитель монастыря попросил разрешения заменить эту ножку, Чжао-Чжоу [ему] не позволил. Мы должны чтить обычай старого будды. Чжао-Чжоу жил в [области] Чжао-чжоу с тех пор, как ему исполнилось восемь десятков лет, после передачи-обретения Дхармы. Он поистине унаследовал истинную Дхарму – люди называли его «старым буддой».

Другие люди, те, кто еще не испытал истинное обретение истинной Дхармы, уж верно ничтожны по сравнению с учителем! Другие люди, те, кому еще не исполнилось восьми десятков лет, уж конечно, здоровые лбы – не то что учитель. Мы, молодые и, должно быть, пустышки, – разве сравнимся [мы] с почтенной основательностью старика? Что [нам] следует делать – так это изо всех сил удерживать подвижничество, постигая Путь! В течение сорока лет [Чжао-чжоу] не накопил богатства, часто у него не бывало ни риса, ни [другого] зерна. Иногда он готовил себе кушанье на два дня из одного и того же риса⁴⁰. Бывало и такое, что собирал каштаны и желуди и готовил еду из них. Действительно, таковы обычаи слона-дракона⁴¹ древности, в действии-практике должно чтить их и восхищаться ими.

Однажды [Чжао-чжоу], наставляя учеников, сказал: «Допустим, вы провели бы всю жизнь, не удаляясь от монастыря, и в течение пяти или десяти лет не произнесли бы ни слова – разве люди не назвали бы вас немыми⁴²?» Этим он указал на удержание подвижничества.

Нужно понимать, что хотя мы можем показаться глупцами, если не будем говорить ни слова пять или десять лет, но коль скоро мы непрерывно [живем как] затворники в монастыре, то даже и без единого слова, разве неверно, что мы не будем немыми? Кто не может услышать голос [с] Пути Будды, тот не знает основ Пути, на котором [подвижники] без слов – не немые. Раз так, то прекрасный [способ] удержать подвижничество – затворничество в монастыре. «Затворничество в монастыре» – это полное выражение для «освобождения». Дуралеи не знают о своей собственной не-немоте и не позволяют другим знать об их не-немоте. Хотя и не препятствуют, [но и] не позволяют узнать, кто же они такие. Достойны сожаления мы сами, не слышавшие, что быть не-немым означает обрести как раз то, что [мы] ищем; не знающие, что быть не-немым означает обрести как раз то, что [мы] ищем. Затворничество в монастыре должно быть молчаливым удержанием подвижничества. Нельзя под ветром восточным и западным склоняться к западу или востоку. Пусть бы [мы] на протяжении пяти или десяти лет не знали ничего ни о весеннем ветре, ни об осенней луне, но [у нас] есть путь к освобождению от звуков и красок. Это обретение Пути нам неизвестно, непонятно. Нам следует изучить на деле, насколько дорог каждый миг удержания подвижничества. Пусть вас не смущает, что молчать кажется легко и естественно. Вход – это только монастырь; выход – это только монастырь. Путь птиц [в пустоте неба] – это только монастырь; весь мир – это только монастырь.

Гора Дамэйшань находится в области Цинъюаньфу. На этой горе построена обитель Хушэнсы, ее основал учитель созерцания Фа-чан⁴³. [Сам] учитель родом из Сяньяна. Некогда, будучи учеником в собрании Ма-цзу, он спросил:

– Что такое будда?

Ма-цзу ответил:

– Сердце-сознание здесь и сейчас и есть будда.

Как только Фа-чан услышал эти слова, [он] тут же обрел великое просветление. Тогда он взобрался на вершину горы Дамэйшань и, отдалясь от людской суеты, стал жить в соломенной хижине отшельником. Он питался сосновыми шишками, а вместо одежды носил листья лотоса (близ этой горы был маленький пруд, в котором росли лотосы). Больше тридцати лет Фа-чан постигал Путь сосредоточением сидя. Он утратил связь с миром, ничего о нем не слышал и [ничего] не видел; [он] потерял счет времени, наблюдая лишь, как горы вокруг из зеленых становятся желтыми. А если о чем и жалел, так разве что о ветрах и морозах.

Занимаясь сидячим сосредоточением, учитель водружал себе на макушку железную башенку величиной в восемь сун⁴⁴, как если бы это было венец. Он удерживал эту башенку, не давая ей упасть на землю, и так помогал себе не заснуть. Теперь эта башенка хранится в монастыре, она есть в списке утвари. Вот так он постигал Путь, до самой смерти не зная отдыха. Когда он уже много лет [жил] так, толкуя сутры, [к нему] пришел некий монах из собрания Янь-Гуаня⁴⁵; он забрался на гору, чтобы отыскать себе посох, заблудился и случайно вышел к тому месту, где была хижина учителя. И вот, удивленный встречей с учителем, [монах] спросил:

– Наставник, как давно вы живете вот так на этой горе?

Учитель отвечал:

– Я лишь только вижу, как горы меняют цвет с зеленого на желтый.

Тогда монах спросил:

– В какую сторону мне идти, чтобы спуститься с горы?

Учитель ответил:

– Иди вниз по ручью.

Монах был поражен. Вернувшись, он рассказал обо всем Янь-Гуаню. Янь-Гуань сказал: «Давным-давно, когда я [принадлежал к школе] Цзянси, я как-то встретил одного монаха. С тех пор я о нем ничего не слышал. Это не мог быть тот самый монах?» И тогда [Янь-Гуань] послал монаха за учителем, чтобы пригласить его [в собрание], [но тот] не покинул гору, только прислал в ответ стихи-гатхи:

Обломок сухостоя⁴⁶ торчит в холодном лесу,

Сколько раз уж встречал весну – в сердце нет перемен.

Увидев его, дровосеки проходят мимо,

С чего бы людям из Ин⁴⁷ понадобилось разыскивать его?

И не пришел [к Янь-Гуаню]. Позже, когда [Фа-Чан] вознамерился уйти еще глубже в горы, [он] произнес такие стихи-гатхи:

Листьев лотоса из пруда для одеяния вдоволь,

Фруктов нескольких сосен с избытком для пищи хватит.

Место, где я живу, людям известно стало,

Лачугу свою забрав, уйду – в глубину сокроюсь.

И перенес свою хижину в глубь [лесной чащи] на горе.

Однажды Ма-цзу послал монаха, велел [ему] спросить Фа-чана:

– Наставник, вы раньше обучались, посещая Ма-цзу. Какие основы Пути вы восприняли от него, что вот как раз поселились на этой горе?

Учитель отвечал:

– При встрече Ма-цзу сказал мне: «Сердце-сознание здесь и сейчас и есть будда». Как раз [восприняв это], я и поселился здесь, на горе.

Монах возразил:

– Но теперь он толкует Дхарму иначе.

Учитель спросил:

– Что же изменилось?

Монах ответил:

– Ма-цзу говорит, не сердце-сознание и не будда.

Учитель молвил:

– Ох уж этот старик! Никак он не может прекратить смущать людей!

На самом деле не важно, что не сердце-сознание и не будда; для меня единственно [верно], что сердце-сознание здесь и сейчас и есть будда.

[Монах] рассказал обо всем⁴⁸ Ма-цзу и передал ему эти слова. Ма-цзу [же тогда] сказал: «Слива поспела».

Это предание известно всем людям и небожителям. Тянь-лун⁴⁹ был выдающимся наследником наставника [Фа-чана], Цзюй-чжи⁵⁰ стал преемником его преемника.

Ка-чи⁵¹ из Кореи, приняв передачу Дхармы от учителя, стал первым патриархом этой страны. [Таким образом] все нынешние наставники Кореи – отдаленные наследники в Дхарме учителя [Фа-чана].

Всю жизнь [наставнику Фа-чану] обыкновенно прислуживали тигр и слон, и ни один из них не нападал на другого. После кончины [Фа-чана] и тигр, и слон [вместе] таскали камни и глину, чтобы соорудить для учителя надгробную пагоду. Теперь эта пагода находится в обители Хушэнсы.

И древние, и современные благомудрые друзья⁵², удерживая подвижность учителя [Фа-чана], одинаково восхваляют его. Глупцы не знают о том, что они могут и должны чтить его. Настаивать, будто среди тяги к славе и любви к богатству не может быть Закона Будды, – глупый взгляд ничтожных [людей].

<Учитель созерцания У-цзу Фа-янь⁵³ рассказывал, как в древности в храме одного из патриархов стояли морозы и гуляли ветра, кровля общинного зала прохудилась, и даже сесть, чтобы предаться созерцанию, было некуда из-за покрывавшего все снега. Один из монахов попросил у настоятеля разрешения починить крышу, но тот не позволил, сказав, что все преходяще и мы не можем тратить время на починку кровли, в то время как нужно постигать Путь.>

Однажды наставник [Фа-]Янь сказал ученикам: «Подвижность не выходит за пределы мышления, а мышление не выходит за пределы подвижности». Нам следует глубоко воспринять эти слова; размышлять над ними днем и ночью, с утра до вечера применять их на деле; мы не должны уподобляться [тем, кто] склоняется под ветрами востока, запада, юга или севера. Тем более что [речь идет о] нашей стране Японии, где даже дворцы государя [и его] приближенных – не такие уж богатые хоромы, а еле-еле сбитые на скорую руку белые домишки⁵⁴!

Разве здесь те, кто покинул дом ради постижения Пути, могли бы вести единенную праздную жизнь в роскошных покоех? Если же [кто] обладает роскошными покоеми, [тут наверняка] не обошлось без дурного поведения, чистота [помыслов тут] редка. О тех [постройках], которые были изначально, речи нет; [но] новые сооружения не возводите! В древности мудрецы жили [и] в тростниковых хижинах, [и в бедных] белых домишках; в древности мудрецы любили их. Мы можем и должны быть преданными [этому образу жизни], изучать [его] и применять на деле; нельзя идти против [него].

Хуан-ди, Яо, Шунь⁵⁵ и другие [древние государи], хоть и были мирянами, жили в тростниковых шалашах – [это] прекрасный пример.

Ши-цзы⁵⁶ говорит: если [вы] намерены проникнуть в суть деяний Хуан-ди, [вам] нужно посетить палату Хэгун. Если [вы] намерены проникнуть в суть деяний Яо и Шуня, [вам] нужно посетить зал Цзунци. Крыша светлого зала [дворца] Хуан-ди покрыта тростником, и [это помещение] называется палатой Хэгун. Крыша светлого зала [дворца] Шуня покрыта тростником, и [это помещение] называется залом Цзунци⁵⁷.

Нам следует помнить, что и Хэгун, и Цзунци крыты тростником. Нечего и говорить о том, чтобы нам сравняться с Хуан-ди, Яо и Шунем, – нам до них как от земли до неба. И даже они крыли свои главные залы тростником. Раз даже миряне обходятся тростниковыми шалашами, как же люди, которые покинули [свой] дом⁵⁸, могут рассчитывать поселиться в роскошных залах, потрясающих величием? Это было бы постыдно. Некогда люди жили в лесах, среди деревьев находили убежища, которые равно ценили как миряне, так и монахи. Хуан-ди был учеником даоса Кунтуна Жун-чэна⁵⁹; Жун-чэн жил в пещере на горе Кунтун. Ныне в великой империи Сун этот обычай широко распространен среди правителей и министров.

Раз так, значит, даже люди, погрязшие в мирских заботах, подобны [древним святым]. Как же те, кто покинул свой дом, могут оказаться ниже, чем люди, погрязшие в мирских заботах; как же [они] могут запятнать себя в сравнении с людьми, погрязшими в мирских заботах? Так повелось, что многим буддам и патриархам подносили дары небожители. Тем не менее, как только [патриархи] обретали Путь, глаза небесных существ переставали [их] различать, [а] злобные духи [больше] не могли добраться [до них]. Об этом стоит поразмыслить. Если мириады богов и духов подступают к обыденным делам будд и патриархов, то они оказываются на пути, приближающем их к буддам и патриархам. Поскольку будды и патриархи во всем превосходят богов и духов, боги и духи не в состоянии, [так] высоко подняв глаза, до них добраться; [им] трудно приблизиться к буддам и патриархам.

Нань-цюань [как-то] сказал: «Дела престарелого монаха [настолько] лишились силы, что на него позарился злобный дух». Нам следует иметь в виду, что если на кого позарились неприкаянные злобные духи, значит, у того подвижничество лишилось силы.

<Наставник Хун-чжи Чжэн-цзюэ⁶⁰ основал на горе Тяньтун чаньский монастырь – там, где раньше были даосский и конфуцианский храмы, а также женский монастырь. Впоследствии некий сановник составлял запись заслуг Хун-чжи, и когда его попросили указать, что монастырь был построен вместо даосского храма и еще двух построек, он ответил, что это не относится к заслугам Хун-чжи. Нам нужно помнить, что в мирских делах нет заслуг монаха.>

Итак, лишь только [мы] впервые вступаем на Путь Будды, [мы] намного обгоняем людей и небожителей трех миров⁶¹. [Мы] – не то, чем три мира управляют, и не то, что три мира видят; [нам] следует подробно разобрать это. Мы можем и должны работать над изучением и постижением [этого], используя действия, речь и мысли, привлекая условное и истинное. Хотя с самого начала заслуга удержания подвижничества будд и патриархов приносит огромную пользу, переводя людей и небожителей на берег нирваны, люди и небожители вовсе не знают о том, что им помогает удержание подвижничества будд и патриархов.

Итак, удерживая подвижничеством великий Путь будд и патриархов, не спорьте о малых и великих затворниках, не разделяйте мудрых и глупых. Просто забудьте надолго про богатство и почести и не ввязывайтесь в десятитысячные мирские дела и отношения. Не теряйте времени [понапрасну]! [Вы] должны [торопиться так, как будто вам нужно] потушить волосы, горящие [у вас на голове]! Не ждите великого просветления! Великое просветление – это обычные чай и рис у вас в доме. Не стремитесь к непониманию, непонимание – драгоценная жемчужина в прическе⁶². Что вы просто можете и должны сделать, так это – если вы привязаны к родным краям, покиньте родные края; если вы любите, откажитесь от вашей любви⁶³; если вы знамениты, бегите от своей славы; если вы богаты, бегите от своего богатства; если у вас есть поля и сады, забросьте ваши поля и сады; если у вас есть родные, оставьте своих родных. И стремление не обладать богатствами и славой тоже нужно отбросить. Уже из [того, что нужно] отбросить обладание, ясна основа Пути, призывающая отбросить и лишенность. Поистине, это и есть настоящее удержание подвижничества. Если [вы будете] всю свою жизнь удерживать подвижничество, отказавшись от богатства и почестей, это будет удержание подвижничества, столь же долгое, как продолжительность жизни Будды. Теперь, [после того как вы] установили такое удержание подвижничества, [оно] становится удержанием подвижничества,

которое само удерживается удержанием подвижничества. Тем, в чьем теле и сердце-сознании есть такое удержание подвижничества, можно и должно любить себя и уважать себя.

<Учитель созерцания Да-цы Хуань-Чжун⁶⁴ однажды сказал, что объяснение не сравнится с действием.

Великий наставник Дун-шань У-бэнь однажды сказал: «Я показываю в действии то, что не могу выразить словами, и объясняю словами то, что не могу показать в действии».

Великий наставник Юнь-цзюй Хун-цзяо, размышляя над словами Дун-шаня, говорил: «Во время подвижничества нет возможности объяснять; во время объяснений нет возможности подвижничать».>

Вот что говорили будды и патриархи стародавних времен. Допустим, что человек прожил сто лет, но не достиг состояния⁶⁵ всех будд; с тем, кто прожил [всего] один день, хорошо уяснив [себе] это [состояние], его не сравнить. Так говорили не один будда и не два будды – эти слова произносили все будды, и все будды воплощали [их] в [своем] подвижничестве. В сотне тысяч мириад калып круговорота рождений и смертей один день удержания подвижничества – яркая жемчужина в прическе, древнее зеркало круговорота рождений и смертей. [Этому] единственному дню можно и нужно радоваться; сила удержания подвижничества такова, что сама по себе радостна. [Те, кто] все еще не обладает силой удержания подвижничества, подобны тем, кто не добыл мозг из костей будд и патриархов, [они] не берегут тело и сердце-сознание будд и патриархов, не радуются истинному облику будд и патриархов. Истинный облик и костный мозг будд и патриархов – хотя [это] не [то, что] уходит, а [то, что] «так уходит» и «так приходит», – по истине [мы] получаем [их] в награду за один день удержания подвижничества. Раз так, каждый день [удержания подвижничества] может и должен быть важным. Если [вы] доживете до ста лет, ничего не достигнув, то [вам] будет горько за дни и месяцы [вашей жизни] и [вам] будет жаль вашего облика и тела. Пускай [вы] сотню лет проведете в рабстве у звуков и красок, но если в течение этого времени [вы хотя бы] один день будете удерживать подвижничество, это может и должно не только [стать равным] целой жизни в сто лет, проведенной в подвижничестве, но и привести к освобождению других, проживших сто лет. Этот один день земной жизни таков, что [ваша] земная жизнь становится достойной уважения, [ваша] телесная оболочка становится достойной того, чтобы ею дорожить. Поэтому, если бы [вам осталось] жить [всего] один день, но [вы] бы постигли состояние всех будд, этот один день стоил бы больше, чем бесчисленные жизни на протяжении многих калып. Поэтому, если [вы] пока еще не достигли понимания, то не тратьте ни од-

ного дня понапрасну! [Ведь каждый] такой день – великое сокровище, которое можно и должно беречь. [Его] нельзя приравнять [даже] к такой драгоценности, как крупная яшма; не вздумайте променять [его даже] на черную жемчужину⁶⁶. Древние мудрецы берегли [его] больше жизни.

Это нужно спокойно обдумать: черную жемчужину, должно быть, можно разыскать, крупную яшму также возможно заполучить. Но каждый день целой столетней жизни, раз прожив, уже никогда не обретешь вновь. Какие есть благие уловки⁶⁷, чтобы удалось вернуть назад хоть один уже прошедший день? Ни в одной из книг нет записей об этом. [Те, кто] не теряет времени зря, упрятывают дни и месяцы в свой кожаный мешок⁶⁸, не давая им просочиться оттуда наружу. Вот почему древние мудрецы и праведники, цenia дни и месяцы, берегли время – берегли пуще глаз своих, пуще родной земли берегли. «Растрчивать время понапрасну» означает жить, порождая смуту в этом преходящем мире славы и богатства. «Не растрчивать время понапрасну» означает, вступив на Путь, поступать так, как нужно для [продвижения по] Пути.

Даже если удалось достичь понимания, ни один день нельзя трать в пустую. Мы можем и должны смиренно жить в подвижничестве ради [продвижения по] Пути, разьяснять [другим постигнутое] ради [продвижения по] Пути. Поэтому нужно постоянно созерцать и обдумывать обычай не тратить ни дня в пустую, [заведенный] древними буддами и патриархами. Размышляйте [об этом] и когда сидите [в] светлой [комнате] у окна, [любуюсь] неторопливым цветением; не забывайте [об этом] и когда сидите в бедном белом домишке унылым дождливым вечером. Как же время крадет у меня [мои] заслуги? [Оно] не только крадет [у меня каждый] день, [оно] крадет заслуги многих калып. Почему же время для меня – злейший враг? Я должен с горечью признать, что так происходит из-за моего собственного пренебрежения подвижничеством. Я не в ладу с самим собой, я сержусь на себя. Будды и патриархи тоже не были лишены любви и долга, однако [они] отбросили [это]. Будды и патриархи тоже не были лишены многочисленных мирских связей, однако [они] сбросили [с себя эти узы]. Допустим, я буду беречь свою любовь и долг, но связи мои с другими не таковы, чтобы их стоило беречь, и поэтому, если я не отброшу любовь и долг, любовь и долг в свою очередь могут и должны отбросить меня – так говорят. Если вы так устроены, что можете сожалеть о любви и долге, вы можете и должны сожалеть о любви и долге. Слова «сожалеть о любви и долге» означают «отбросить любовь и долг».

<Почтенный учитель созерцания Нань-юэ обучался под руководством наставника Хуэй-нэна в течение пятнадцати лет. Все эти годы он подвижничал, невзирая на ветра, морозы и другие неудобства и трудно-

сти. Хотя он не знал всего, а понимал лишь половину того, что знал, ему нечего было больше узнать о непривязанности. Этим он был обязан своему неустанному подвижничеству.

Учитель созерцания Сян-янь Чжи-сян⁶⁹ проходил обучение у наставника Гуй-шаня. Он сжег свои книги и месяц за месяцем прислуживал за столом своим собратьям; впоследствии он долго жил в соломенной хижине и там обрел великое просветление. Еще позже он поселился у себя в храме, пользовался одним одеянием и одной чашей и, как говорят, никогда не спускался с горы, на которой стоял храм.

Великий наставник Линь-цзи И-сюань⁷⁰ был наследником в Дхарме Хуан-бо Си-юня⁷¹. Он был настолько выдающимся человеком, что его нельзя сравнить с другими наставниками, получившими признание в то время⁷².

Император Сюань-цзун⁷³ был вторым сыном императора Сянь-цзуна⁷⁴. Он прожил долгую жизнь и с раннего детства до самой смерти больше всего любил предаваться сосредоточению сидя. Его отец и старший брат умерли, родной племянник пытался предать его смерти, так что, казалось бы, он достоин жалости, но несмотря ни на что он прилагал все усилия к постижению Пути. Вот прекрасный пример неустанного подвижничества, редкий в своем времени.>

Великий учитель с горы Сюэ-фэн, почтенный настоятель И-цунь⁷⁵, с тех самых пор как испытал первое пробуждение сердца-сознания, пусть даже и [слишком] далек был путь до монастыря, где он мог бы остановиться на ночлег, до селения, где ему дали бы подаяние, – где бы он ни оказался, ни днем, ни ночью не пренебрегал сосредоточением сидя. Он не прекращал [созерцания], даже когда явил чудо при завершении постройки храма Сюэ-фэн, – и умер так же, сидя в созерцании. До того, в поисках обучения, [Сюэ-фэн] девять раз взбирался на [гору] Туншань и трижды посещал Тоуцзы – такое стремление постичь Путь редкостно. В наше время, желая призвать к строгости и чистоте удержания подвижничества, люди часто говорят о том, как некогда подвижничал Сюэ-фэн. Хотя Сюэ-фэн был так же помрачен, как другие люди, Сюэ-фэн не был равен другим людям по своей восприимчивости. Удержание подвижничества как раз таково. В наше время люди, идущие по Пути, непременно могут и должны учиться чистоте у Сюэ-фэна. Если же, возвращаясь [к сказанному], посмотреть на [то, сколько] сил [потратил] Сюэ-фэн, пока учился, посещая [наставников] во всех землях, то в самом деле, должно быть, [у него] была особая заслуга – в [одном из] прошлых существований [он] обладал останками Будды⁷⁶.

В наше время, когда [кто-то] действительно желает войти в собрание постигшего Путь наставника и обучаться, расспрашивая [его], добиться этого исключительно трудно. [Община] – это не просто двадцать-тридцать [людских] мешков из кожи, это сотни и тысячи человеческих лиц.

Каждый ищет свое истинное пристанище: день, когда [наставник] подает руку⁷⁷, продолжается [глубоко] за полночь; ночь, когда жерновком обрушиваются [рис], длится и после рассвета. Бывает так, что учитель дает общие наставления, но мы в это время [как будто] лишены глаз и ушей, так что смотрим и слушаем без всякого толка. Когда [же мы вновь] обретаем глаза и уши, [оказывается, что] учитель как раз закончил выводить [нас] на Путь. Когда мудрые старцы почтенных лет, искушенные знатоки, уже хлопают в ладоши и хохочут, для тех, кто сам новичок, кажется редкостным даже такой успех, как ухватиться за их подстилки. Бывают те, кто входит в глубину зала – или не входит⁷⁸, кто слышит наставления⁷⁹ учителя – или не слышит. Время быстрее, чем стрела; брменная жизнь подобна росинке. Досадно, когда хоть и наставник есть, но мы не можем воспринять наставление. Грустно, когда мы можем воспринять наставление, но нет наставника. Я сам не понаслышке знаю, как это бывает.

Великие благомудрые друзья непременно обладают [таким] благом свойством, [как] знание людей, но пока [они] трудятся, углубляя свое понимание Пути, [нам] редко выпадает спасительная возможность по-настоящему сблизиться [с ними]. Когда в древности Сюэ-фэн поднимался на Туншань и поднимался на Тоуцзы, он несомненно прошел через те же трудности. [Мы] можем и должны сочувствовать [Сюэ-фэну в том, что он] испытал, удерживая подвижничество; о том, что невозможно изучать [Путь] и применять [полученные знания] на практике, можно и должно печалиться.

*Перевод со старояпонского М.В.Бабковой
под ред. Н.Н.Трубниковой*

Примечания

¹ Перевод выполнен по изданию *Догэн*. Под ред. Тэрада Тоору и Мидзуно Яоко / Нихон сисо-тайкэй (Памятники японской философской мысли). Т. 12. Токио, 1970. С. 165–190. Для настоящей публикации текст трактата сокращен; в угловых скобках курсивом дан краткий пересказ пропущенных отрывков. Перевод сверен Н.Н. Трубниковой по изданию: Тайсё синсю дайдокоё (Большое собрание сутр, заново составленное в годы Тайсё, далее – ТСД). Т. 1–100, Токио, 1960–77. Т. 82, № 2582, 127a17-135a08. При работе над примечаниями использован сводный электронный словарь буддийских терминов – Muller Ch.A. (ed.). *Digital Dictionary of Buddhism* / <http://www.buddhism-dict.net/ddb/> (далее – DDB). Также использованы комментарии из изданий: Dōgen. *Shōbōgenzō*. Vol. 1–4. Trans. Nishijima Gudō Wafu and Thōdō Cross. London, 1998; Dogen. *Shobogenzo – The Treasure House of the Eye of the True Teaching*. Trans. by rev. master H. Nearman, Order of Buddhist Contemplatives. Shasta, California, 2007.

- ² Яп. *кудоку* 功德, благие последствия деяний, наступающие по закону воздаяния.
- ³ По Догэну, традиция Чань/Дзэн не составляет в буддизме особой школы, а представляет собой истинное учение Будды. И все же он называет «своей» школой линию преемственности учения – от Будды через Махакашьяпу, Бодхидхарму и китайских наставников Чань. См. схему.
- ⁴ Четыре стороны света, четыре стороны между ними, верх и низ.
- ⁵ Яп. *э-сё* 依正, сокращение для *эхо-сёхо* 依報正報, «воздаяния в условном и в истинном смысле». Под «воздаянием в условном смысле» понимаются обстоятельства, в которых приходится жить тому или иному существу (страна, эпоха и др.), а под «истинным воздаянием» – тело, в котором это существо возродилось, и уровень его познавательных способностей.
- ⁶ Яп. *си дай* 四大 – четыре первоэлемента (санскр. *маха-бхута*): земля, вода, огонь и ветер.
- ⁷ Яп. *го ун* 五蘊 пять совокупностей дхарм (санскр. *панча-скандха*). «Дхармы», единичные «носители» признаков, из которых собирается познавательный опыт, объединяются в пять групп: форма-чувства (санскр. *рупа*); чувства-ощущения (санскр. *ведана*); восприятие-ощущение (санскр. *самджня*); желание-воля (санскр. *самскара*) и сознание (санскр. *виджняна*).
- ⁸ Яп. *энги* 緣起, санскр. *пратитья-самутпада* – взаимозависимое возникновение, всеобщая причинно-следственная обусловленность.
- ⁹ Отсылка к «Сутре помоста Шестого патриарха», где ученики пятого патриарха Чань Хун-жэня составляют стихи о зеркале. Шэнь-суй написал на стене стихи, где говорилось: наше сердце-сознание подобно зеркалу и мы должны неустанно протирать его от пыли. Хуэй-нэн составил ответное стихотворение: на самом деле нет ни сердца-сознания, ни зеркала, ни пыли, так что протирать что бы то ни было – бессмысленно. Он-то и унаследовал Дхарму от Хун-жэня. См.: Классические тексты дзэн. Пер. А.А.Маслова. Ростов-на-Дону, 2004.
- ¹⁰ Отсылка к «Лотосовой сутре», глава IV «Вера и понимание». Сутра о бесчисленных значениях. Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Сутра о постижении деяний и Дхармы бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость. Издание подготовил А.Н.Игнатович. М., 1998. С. 138–148.
- ¹¹ Речь идет о том, что Будда достиг полного пробуждения.
- ¹² Яп. *согари* 僧伽梨, санскр. *самгати*, лоскутное одеяние, которое дозволено носить буддийскому монаху.
- ¹³ То есть не-буддистов.
- ¹⁴ Махакашьяпа, яп. Макакасё – ученик Будды Шакьямуни. Когда Будда протянул своим слушателям цветок, один лишь Махакашьяпа понял смысл его безмолвной проповеди и молча улыбнулся в ответ. Это стало символом принципа передачи учения без слов и знаков, «от сердца к сердцу». Догэн называет Махакашьяпу восьмым патриархом, считая Будду Шакьямуни седьмым в ряду древних будд (Випашьин, Шикхин, Вишвабху, Кракуччханда, Канакамуни, Кашьяпа, Шакьямуни).
- ¹⁵ Яп. *тода* 頭陀, санскр. *дхута* – двенадцать «очищающих упражнений»: 1) жить в лесу; 2) питание только лишь подаянием; 3) сбор подаяния от дома к дому; 4) прием пищи только один раз в день; 5) прием пищи в количестве не

- более одной чашки в день; 6) отказ от приема пищи после полудня; 7) ношение одежды, состоящей из лохмотьев (а не из новой ткани); 8) ношение только трех одеяний (повседневного, выходного и обрядового); 9) житье на кладбище среди могил; 10) житье у подножия дерева; 11) житье под открытым небом; 12) отдых только в сидячем, а не лежачем положении.
- 16 Паршва – десятый индийский патриарх, считая первым Махакашьяпу.
- 17 То есть будет отдыхать всегда только в сидячем, а не лежачем положении (см. выше, прим. 15).
- 18 Хуэй-нэн 慧能, яп. Эно (638–713) – шестой китайский патриарх Чань, один из самых знаменитых буддийских наставников Китая. Хуэй-нэн положил начало Южной школе Чань, последователи которой делали упор на внезапном озарении (в отличие от представителей Северной школы, которые настаивали на необходимости постепенного постижения Пути). Жизнь и учение Хуэй-нэна подробно изложены в собрании его проповедей под названием «Сутра помоста Шестого патриарха» (кит. «*Лю цзу тань цзин*»). См.: Классические тексты дзэн. Пер. А.А.Маслова. Ростов-на-Дону, 2004.
- 19 Имеется в виду «Алмазная сутра», кит. «*Цзиньган-цзин*», ТСД 8, № 235–236.
- 20 Хуан-мэй 黄梅, яп. Обай – прозвище пятого патриарха Чань Хун-жэня 弘忍, яп. Конин (601–674), дано по названию горы Хуанмэйшань.
- 21 Пятый патриарх Хун-жэнь очень боялся за жизнь Хуэй-нэна, поэтому совершил передачу печати Дхармы, одеяния и чаши (реликвий патриархов Чань) глубоко в ночи.
- 22 Ма-цзу Дао-и 馬祖道一, яп. Басо Доицу (707/709–788) – чаньский наставник, известен своей необычной внешностью (походка, как у быка, взгляд как у тигра, способность дотягиваться кончиком языка до носа), парадоксальными высказываниями и эпатажирующими методами воздействия на собеседников. Ученики Ма-цзу составили «Записи речей Чаньского наставника Ма-цзу Дао-и» (кит. «*Ма-цзу Дао-и чань-ши юй лу*») и «Расширенные записи [речей] Чаньского наставника Ма-цзу Дао-и» («*Ма-цзу Дао-и чань-ши гуан лу*»). См. перевод в издании: Классические тексты дзэн. Пер. А.А.Маслова. Ростов-на-Дону, 2004.
- 23 Нань-юэ Хуай-жан 南嶽懷讓, яп. Нангаку Эдзэ (677–744) – ученик Хуэй-нэна, упоминается в «Сутре помоста Шестого патриарха»; наставник Ма-цзу Дао-и.
- 24 Она же «печать Дхармы», подтверждение передачи учения в традиции Чань-Дзэн.
- 25 Яп. *синьин* 心印 – запечатление истины в сердце-сознании; интуитивное постижение Пути без слов и знаков, возможное благодаря тому, что помраченное сознание человека исконно тождественно просветленному сознанию Будды.
- 26 Юнь-янь Тань-шэн 雲巖曇晟, яп. Унган Дондзэ (784–841) – ученик Бай-чжана Хуай-хая.
- 27 Дао-у Юань-чжи 道吾円智, яп. Дого Энти (769–835) – старший брат Юнь-яня Тань-шэна (см. прим. 25), постигал Путь вместе с ним. В большинстве историй братья появляются вдвоем.

- 28 Дун-шань У-бэнь 洞山悟本, яп. Тодзан Гохон, он же Дун-шань Лян-цзе 良价, яп. Рёкай (807–869), преемник Юнь-яня Тань-шэна. Первый иероглиф его имени вместе с иероглифом имени его преемника Цао-шаня Бэнь-цзи, 曹山本寂, яп. Содзан Хондзяку (840–901), образовали название школы Цаодун/Сого, к которой принадлежал Догэн.
- 29 Юнь-цзюй Хун-цзяо 雲居弘覺, яп. Унго Кокаку, он же Юнь-цзюй Дао-ин 道膺, яп. Доё (830–902), преемник Дун-шаня У-бэня.
- 30 Бай-Чжан Хуай-хай 百丈懷海, яп. Хякудзё Экай (720–814) – преемник и самый знаменитый ученик Ма-цзу Дао-и. Бай-чжан известен уставом для монахов, который был широко распространен в китайских монастырях. В тех храмах, которые Догэн основал в Японии, были приняты правила, разработанные Бай-чжаном (в том числе принцип «день без работы – день без еды»).
- 31 Цзин-цин Дао-фу 鏡清道怱, яп. Кинсин (тж. Кёсэй) Дофу (863/7–937), ученик Сюэ-фэна (см. ниже).
- 32 Шань-пин И-чжун 三平義忠, яп. Санпэй Гитю (781–872), ученик Дя-дяня (см. ниже).
- 33 Да-дянь Бао-юн, яп. Дайтэн Хоё, 大顛宝涌 (730–830), ученик Ши-тоу Си-цяня 石頭希遷, яп. Сэкито Кисэн (700–790), ученика Хуэй-эна.
- 34 Гуй-шань Лин-ю 滙山靈祐, яп. Исан Рэйю (771–853), ученик Бай-чжана Хуай-хая.
- 35 Чжао-чжоу Цун-шэнь 趙州從諗, яп. Дзёсю Дзюсин (778–897) – преемник Нань-цюаня Пу-юаня (см. ниже, прим. 36). В традиции Чань/Дзэн известен прежде всего своим коаном, состоящим из одного лишь возгласа «У» (яп. «Му») – «Нет!».
- 36 Два из восемнадцати предметов, которые можно иметь монаху: 1) зубочистка; 2) порошок для очищения рук; 3) тройное облачение; 4) кувшин для воды; 5) чашка для подаяния; 6) подстилка для сидения и лежания; 7) посох; 8) сосуд для благовоний; 9) сидулка для воды; 10) полотенце; 11) бритва; 12) кремль и огниво; 13) щипчики для волос; 14) складное сиденье; 15) свитки сутр; 16) свитки с текстом заповедей; 17) изображения будд; 18) изображения бодхисаттв.
- 37 Нань-цюань Пу-юань, яп. Нансэн Фуган, 南泉普愿 (748–834) – ученик Ма-цзу Дао-и, знаменит несколькими коанами. Широко известна история, в которой Нань-цюань хватает храмовую кошку и требует, чтобы монахи сказали ему хоть одно «слово Чань», – иначе он убьет кошку.
- 38 Яп. *данна*, санскр. *данапати* – прихожане, которые постоянно подносят дары тому или иному храму, составляют его мирскую общину.
- 39 Общинный зал – место для обрядов или занятий медитацией; в небольшом храме монахи могут тут же и спать. В передних комнатах монахи принимают мирян, а в задних устраивают уборную, баню и т. п.
- 40 То есть одну порцию риса варил дважды: в первый день варил рис в большом количестве воды, как суп, и выпивал отвар, но гущу не ел; а на следующий день заливал водой эту гущу и варил по второму разу.
- 41 Яп. *рюдзо* 龍象, санскр. *хастинага*, так называют очень крупного старого слона.

- 42 Яп. *акан*, кит. *яхань*, 啞漢, букв. «немой ханец». «Немыми» в традиции Чань называли новичков, которые были не в состоянии дать достойный ответ учителю, а потому отмалчивались; а «ханьцами», или «китайцами», звали учеников вообще в память о том, что для пришедшего из Индии Бодхидхармы китайцы были учениками.
- 43 Да-мэй Фа-чан 大梅法常, яп. Дайбай Ходзё (752–839) – ученик Чжао-чжоу Цун-шэня.
- 44 1 сун = 3, 03 см.
- 45 Янь-гуань Ци-ань 鹽官齊安, яп. Энган Сэйан (750–842) – ученик Ма-цзу Дао-и.
- 46 Образ для аскета, иссушенного подвижничеством.
- 47 То есть тем, кому важна известность.
- 48 Яп. *кодзи* 舉似 – то, что произошло, тж. синонимом для яп. *коан* («прецедент», случай прозрения).
- 49 Хан-чжоу Тянь-лун 杭州天龍, яп. Косю Тэнрю (770–850) – ученик Да-мэя Фа-чана.
- 50 Цзюй-чжи И-чжи 俱胝一指, яп. Гутэй Исси, (IX в.) – ученик Хан-чжоу Тянь-луна, известен историей под названием «палец Цзюй-чжи». Он обрел просветление, когда его учитель Тянь-лун поднял вверх палец, после чего всегда поднимал палец во время рассуждений о Пути. Однажды Цзюй-чжи отрубил палец подражавшему ему мальчишке, сразу после чего окликнул его и привел к просветлению, показав ему свой поднятый вверх палец.
- 51 Ка-чи То-ый 迦智道義, кит. Цзя-чжи Дао-и (ум. 825), основатель школы Ка-чи в Корее, учился у Бай-чжана и других китайских наставников, упоминается в «Сутре помоста Шестого патриарха» (ТСД 48, 360 с).
- 52 Яп. *тисики* 知識 – «знающие друзья», «благодумные друзья», в сутрах – те, кто не просто знает, но и может научить Закону-Дхарме.
- 53 У-цзу Фа-янь 五祖法演, яп. Госо Хоэн (1024–1104), наставник традиции Линьцзи.
- 54 Яп. *сироя* 白屋, букв. «белый домик» – бедняцкое жилище.
- 55 Хуан-ди 黃帝, яп. Котэй, «Желтый государь», в китайских преданиях – совершенномудрый правитель, первый из пяти древнейших государей (время их царствования принято относить к III тыс. до н. э.). Яо 堯, яп. Гё – четвертый из этих пяти государей. Шунь 舜, яп. Сюн – преемник Яо, пятый совершенномудрый государь.
- 56 Ши-цзы 尸子 яп. Сиси (V–IV вв. до н. э.), из царства Лу считается учителем знаменитого мыслителя-легиста Шан Яна, книга изречений Ши-цзы сохранилась во фрагментах.
- 57 Палата Хэгун 合宮 и зал Цунци 總章 – «храмы света» 明堂, кит. *минтан*, яп. *мёдо*, сооружения, в которых древние китайские государи принимали подданных и откуда благая сила правителей излучалась на всю страну. См.: Духовная культура Китая. Энциклопедия. Т. [1]. Философия / Под ред. М.Л.Титаренко, А.И.Кобзева, А.Е.Лукьянова. М., 2006. С. 342–343.
- 58 То есть ушли в монахи.

- 59 Кун-тун Жун-чэн 崑崙廣成, яп. Куто Кёсэй – легендарный древнекитайский мудрец, считавшийся наставником Хуан-ди и Лао-цзы. Жун-чэн упоминается в «Чжуан-цзы», «Ле-цзы», «Хуайнань-цзы» и других текстах.
- 60 Хун-чжи Чжэн-цзюэ 宏智正覺, яп. Ванси Сёгаку (1091–1157) – чаньский наставник школы Цаодун. В его окружении впервые появилось изначально оскорбительное обозначение школы Линь-цзи – «чань созерцания коана». Сам Хун-чжи предлагал в качестве альтернативы практике решения коанов, которая, на его взгляд, имела слишком много недостатков, практику безобъектной, только сидячей медитации (получившей, в свою очередь, прозвание «чань озаренности в молчании»). Именно это учение унаследовал Догэн.
- 61 Яп. *сан кай* 三界. Три уровня мироздания в буддийской космографии: «мир желаний» (санскр. *камадхату*), «мир форм» (санскр. *рупадхату*) и «мир без форм» (санскр. *арупадхату*).
- 62 Отсылка к Лотосовой сутре, главе XIV, «Спокойные и радостные деяния». Притча об украшении из прически повествует о том, как после победы государь раздает награды своим воинам и только украшение из собственной прически не дарит никому; однако самому доблестному воину он все же вручает эту драгоценность. Так же и Будда проповедует другие учения разным слушателям, но «Лотосовую сутру» до поры не возвещает, дожидаясь учеников, готовых ее воспринять [Лотосовая сутра. С. 225–227].
- 63 *Онъай*, 恩愛, любовь и благодарность, любовь и долг (долг перед господином, перед родителями).
- 64 Да-цы Хуань-чжун 大慈寰中, яп. Дайдзи Кантю (780–860) – один из учеников Бай-чжана Хуай-хая.
- 65 Яп. *ки* 機 – состояние; тж. способности, свойства. В традиции Чань/Дзэн этим понятием обозначают особые свойства сознания, которые ученик обретает в ходе постоянного подвижничества.
- 66 Яшма в один *сяку* (30, 3 см) и черная жемчужина, здесь – предел мечтаний.
- 67 Яп. *хобэн* 方便, тж. «удобные способы», «подходящие средства».
- 68 Так пренебрежительно говорят о человеке.
- 69 Сян-янь Чжи-сян 香嚴智閑, яп. Кёгэн Тикан (820–898) – ученик Гуй-шаня и Бай-чжана.
- 70 Линь-цзи И-сюань 臨濟義玄, яп. Риндзай Гигэн (800–867) – ученик Хуан-бо, один из крупнейших наставников Чань, основатель школы Линьцзи/Риндзай.
- 71 Хуан-бо Си-юнь 黃檗希運, яп. Обаку Киун (770–850) – знаменитый наставник Чань, учитель Линь-цзи. В Японии по имени Хуан-бо называется школа Обаку-Дзэн (основана в XVII в.).
- 72 В этом фрагменте Догэн рассказывает об обучении Линь-цзи, когда тот трижды спрашивал Хуан-бо о смысле прихода Бодхидхармы с Запада и неизменно получал в ответ побор, а также цитирует и обсуждает отрывок из «Записей бесед Линь-цзи», в котором описано, как Хуан-бо и Линь-цзи сажали сосны. См.: *Линь-цзи* лу. Вступительная статья, перевод с китайского, комментарии и грамматический очерк И.С.Гуревич. СПб., 2001. С. 174–175, 178.

-
- ⁷³ Сюань-цзун 宣宗, яп. Сэнсо, император династии Тан, правил в 846–859 гг.
- ⁷⁴ Сянь-цзун 憲宗, яп. Кэнсо, император династии Тан, правил в 806–821 гг.
- ⁷⁵ Сюэ-фэн И-цунь 雪峰義存, яп. Сэппо Гисон (822–908), знаменитый монах, ученик Дэ-шаня Сюань-цзяня 德山宣鑑, яп. Токусан Сэнкан (782–865), учитель Цзин-цина (см. выше). Много проповедовал для мирян, разрабатывал традицию толкования «Алмазной сутры» и учение об «одном лишь сознании».
- ⁷⁶ Яп. *рэйкоцу* 靈骨, перевод санскр. *шарира* – букв. останки, прах Будды или святого, остающийся после погребального костра.
- ⁷⁷ Наставник берет за руку вновь прибывшего, вводя в свою общину; кроме того, выражение «подача руки» может означать личную беседу наставника с учеником.
- ⁷⁸ Речь идет о беседах с наставником один на один в глубине зала. Здесь Догэн говорит не просто о допуске к таким беседам, а о том, удаются они или нет.
- ⁷⁹ *Кэцу*, 決, букв. наследие.